

Дѣтство Петра Великаго.

Несмотря на то, что литература о Петрѣ Великомъ громадна, въ его біографіи до сихъ поръ остается много неяснаго. Въ частности о его дѣтскихъ годахъ писали спеціально Забѣлинъ, Погодинъ, Астровъ и въ послѣднее время съ особой обстоятельностью проф. Шмурло¹⁾. Нельзя однако сказать, чтобы этими спеціальными трудами всѣ возникающіе при изображеніи этого періода жизни Петра вопросы были разрѣшены окончательно. Настоящій очеркъ, вновь пересматривая добытыя уже данныя о младенческихъ годахъ Петра Великаго, имѣетъ цѣлью указать вопросы, остающіеся открытыми и ожидающіе рѣшенія.

Петръ Великій родился въ Москвѣ въ кремлевскомъ дворцѣ въ ночь на четвергъ 30 мая 1672 г. на память преп. Исаакія Далматскаго. О мѣстѣ его рожденія, не обозначенномъ точно въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ, существовали разныя преданія: указывались село Измайлово и село Коломенское. Но несомнѣнно, мѣстомъ рожденія Петра былъ Кремль.

Сохранилась записка о взносѣ вещей „въ хоромы“ царицы Натальи Кирилловны 28 мая 1672 г.; слѣдовательно, въ этотъ день царица находилась въ Кремлѣ, во дворцѣ. Иначе, если бы она находилась въ одной изъ подмосковныхъ рези-

---

¹⁾ Забѣлинъ, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. т. I. Дѣтскіе годы Петра Великаго. М. 1872. Его же. Домашній бытъ русскихъ царей, часть II. М. 1915 (въ главу V вошла упомянутая статья изъ „Опытовъ“). Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Императора Петра Великаго 1672—1689. М. 1875. Астровъ. Первоначальное образованіе Петра Великаго, „Рускій Архивъ“ 1875, VIII. Шмурло, Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго, Ж. М. Н. Пр. 1900—1902 г.

денцій, въ запискѣ было бы сказано, что вещи взяты къ царицѣ „въ походъ“¹⁾. Разъ что царица жила въ Кремлѣ 28 мая, невозможно допустить, чтобы она предпринимала „походъ“ въ какое либо изъ подмосковныхъ сель на послѣднихъ дняхъ и, можно даже сказать, часахъ беременности. Что Дворъ находился въ моментъ рожденія Петра въ Кремлѣ, видно также и изъ того, что распоряженіе о торжественномъ молебствіи по случаю этого событія, разсылалось „съ Верху“, т. е. изъ кремлевскаго дворца, а не „изъ походу“, какъ было бы сказано, если бы Дворъ находился внѣ Москвы.

Во времени, точнѣе о часѣ рожденія Петра также есть разногласіе. Сохранились двѣ разрядныя записки²⁾ объ этомъ событіи указывающія различно часъ рожденія. Въ одной говорится, что царевичъ родился „за полтретья (за 2^{1/2}) часа до дня“—до восхода солнца. Такъ какъ солнце 30 мая восходитъ въ Москвѣ въ 3 ч. 18' пополудни, то по этой запискѣ надо относить моментъ рожденія Петра къ 12 ч. 48' ночи. Другая записка повѣствуетъ, что „въ прошломъ 180 (1672) году мая въ 30 день, въ отдачу ночныхъ часовъ даровалъ Богъ царевича“ и т. д. „Отдача ночныхъ часовъ“—восходъ солнца и, слѣдовательно, по этой запискѣ рожденіе Петра происходило въ 3 ч. 18' пополудни. Какому изъ этихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ отдать преимущество? Думаемъ, что первому. Въ самомъ дѣлѣ изъ вступительныхъ словъ второй записки: „въ прошломъ году“ видно, что она не современна событію, а составлялась уже въ слѣдующемъ 1673 г., когда изъ памяти составителя ея могли исчезнуть мелкія подробности происшествія, первая же записка производитъ впечатлѣніе болѣе современной событію. Затѣмъ часъ рожденія, указанный первою запискою, болѣе вѣроятенъ и потому, что лучше согласуется съ дальнѣйшимъ извѣстіемъ о торжественномъ молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ весь дворъ, думные чины, московское дворянство и офицеры солдатскихъ и стрѣлецкихъ полковъ и московскіе гости. Молебенъ происходилъ во второмъ часу дня³⁾, по нашему счету въ пятомъ утра, и, очевидно, необходимъ былъ нѣкоторый промежутокъ времени, чтобы разослать повѣстку

¹⁾ Есиповъ, Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ В., II, стр. 142.

²⁾ Дворцовыя разряды--роль камеръ-фурьерскаго журнала.

³⁾ Часы въ XVII в. дѣлились на дневные и ночные. Дневные считались съ восхода солнца, а ночные съ заката.

всѣмъ приглашаемымъ на молебенъ и чтобы они собрались на него въ парадномъ платьѣ. Такой промежутокъ времени въ 4 часа съ 1-го часа пополуночи, когда, согласно съ первой запиской, родился Петръ, до 5-го часа пополуночи, когда служился молебенъ, былъ достаточенъ, тогда какъ промежутокъ съ 3 ч. 18 м. утра до 5-го часа утра, если слѣдовать второй запискѣ, былъ бы слишкомъ малъ для такихъ сборовъ ¹⁾).

Итакъ, считаемъ, что Петръ Великій родился въ ночь на 30 мая 1672 г. въ исходѣ перваго часа пополуночи. Въ 5-мъ часу утра состоялся торжественный высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ къ молебну, на которомъ присутствовали царевичи сибирскіе и касимовскіе, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники, стряпчіе и дворяне московскіе въ цвѣтныхъ охабняхъ, полковники солдатскихъ полковъ, полковники, головы и полуголовы стрѣлецкихъ полковъ, именитый человекъ Строгоновъ и „гости“ — виднѣйшіе представители купечества. Молебенъ служилъ Питиримъ, митрополитъ новгородскій, съ двумя митрополитами, 3 архіепископами и 1 епископомъ. Послѣ молебна находившееся въ соборѣ духовенство, думные и служилые чины приносили государю поздравленія. Отслуживъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, Алексѣй Михайловичъ посѣтилъ Архангельскій соборъ, монастыри Чудовъ и Вознесенскій и чрезъ Благовѣщенскій соборъ вернулся во дворецъ. Во время этого шествія въ столовой палатѣ было объявлено пожалованіе отца царицы Кирилла Полуэктовича Нарышкина и ея воспитателя Артамона Сергѣевича Матвѣева въ окольничіе, а когда государь проходилъ изъ столовой палаты за перегородку, за перегородкой было „сказано думное дворянство“ дядѣ царицѣ Ѳедору Полуэктовичу Нарышкину. Въ то же утро послѣ обѣдни собрались въ передней комнатѣ и въ сѣняхъ передъ передней думные люди и служилые чины. Въ передней государь жаловалъ собравшихся водкою и фряжскими винами; заѣдали яблоками, дулями и грушами въ патокѣ. Въ сѣни передъ переднею выходилъ угощать водкою головъ и полуголовъ стрѣлецкихъ и подполковниковъ солдатскихъ полковъ оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово ²⁾).

¹⁾ Дворцовые разряды III, Приложенія, 463, 469, Шмурло, Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго, Ж. М. Н. Пр. 1900, августъ.

²⁾ Дворц. разр. III, приложенія, 470.

Устроить обычнаго „родильнаго“ стола на другой день послѣ рожденія Петра въ пятницу 31 мая было невозможно: для него требовались обширныя приготовленія, а между тѣмъ въ субботу 1-го іюня нельзя было давать параднаго пира наканунѣ праздника, въ воскресенье же 2-го наступило уже заговѣнье передъ петровскимъ постомъ. Поэтому въ этотъ день при дворѣ ограничились малымъ обѣдомъ въ царицыной золотой палатѣ „безъ зову“ и „безъ мѣстъ“. У стола были бояре, окольнічіе, думные дворяне, ближніе люди и дьяки.

Передъ Золотою палатой въ проходныхъ сѣняхъ „кормлены Благовѣщенскаго собора священники, которые служатъ у крестовъ“, т.-е. духовенство дворцовыхъ домовыхъ церквей. „Власти“, т.-е. высшее черное духовенство не было приглашено по случаю наступавшаго поста. Государь жаловалъ всѣхъ водкою, закусывали коврижками, яблоками, дулями, смоквой, цукатами въ патокѣ и иными «овощами». Однимъ изъ блюдъ за обѣдомъ былъ требуемый обычаемъ при празднованіи родинъ „взварь“, который подавался въ ковшахъ ¹⁾).

Въ субботу 29-го іюня, въ день тезоименитства новорожденнаго царевича, въ 3-мъ часу дня, по нашему счету въ 6-мъ часу утра, до обѣдни, въ церкви св. Алексія митрополита въ Чудовѣ монастырѣ совершенно было надъ младенцемъ таинство крещенія. Крестилъ царскій духовникъ протопопъ Благовѣщенскаго собора Андрей Савиновъ, воспріемниками отъ купели были царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ и сестра государя царевна Ирина Михайловна.

Къ крещенію выносила царевича назначенная къ нему въ „мамы“ боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына ²⁾). Съ новорожденного царевича была снята мѣрка, и въ тотъ же день 29-го іюня иконописцу Ѳедору Козлову заказанъ былъ образъ тезоименитаго царевичу св. апостола Петра на кипарисовой доскѣ мѣрою въ ростъ царевича: длиною 11 вершковъ, шириною въ 3 вершка ³⁾).

На другой день, въ воскресенье 30-го іюня, послѣ обѣдни у царя были митрополитъ новгородскій Питиримъ, высшее духовенство и игумены монастырей съ образами и съ подношеніями по случаю рожденія и крещенія царевича. Съ подношеніями явились также царевичи: грузинскіе, касимовскіе,

¹⁾ Дворц. разр. III, приложенія, 470—71.

²⁾ Свид. 465,

³⁾ Есиповъ. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ I, 1.

боярская дума, ближніе люди, именитый человекъ Григорій Дмитріевичъ Строгоновъ, гости, члены гостиной и суконной сотенъ, представители черныхъ сотенъ и конюшенныхъ слободъ и посадскіе люди изъ городовъ. Въ тотъ же день въ Грановитой палатѣ состоялся у государя „родильный“ столъ, къ которому получили приглашеніе: духовенство, служилые люди и представители торговопромышленнаго міра: гости и члены гостиной и суконной сотенъ. Чины московскаго дворянства: стольники, стряпчие и жильцы служили, какъ всегда при парадныхъ обѣдахъ; за столомъ потчивали, кормили, чашничали, ѣсть ставили и „въ столы смотрѣли“. „Родильный столъ“ по обычаю отличался обиліемъ сахарныхъ блюдъ. На столъ были поданы: коврижка сахарная большая, изображавшая гербъ государства Московскаго, другая коврижка, сахарная жъ коричная, голова большая (сахару), росписанная съ цвѣтомъ, вѣсомъ два пуда двадцать фунтовъ, орелъ сахарный большой литой бѣлый, другой орелъ сахарный же большой красный съ державами по полтора пуда каждый; лебедь сахарный литой, вѣсомъ два пуда, утя сахарное литое жъ, вѣсомъ двадцать фунтовъ, попугай сахарный литой вѣсомъ десять фунтовъ, голубъ сахарный литой, вѣсомъ восемь фунтовъ; городъ сахарный кремль съ людьми съ конными и съ пѣшими; башня большая съ орломъ, башня средняя съ орломъ; городъ четверугольный съ пушками“ и т. д., и т. д. Всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ пожалованы еще сахарными блюдами, отнесенными къ нимъ на домъ. 4 іюля въ Грановитой же палатѣ состоялся „столъ крестильной“. Въ тѣ же дни 30 іюня и 4 іюля были столы на половинѣ царицы Натальи Кирилловны въ ея Золотой столовой палатѣ для боярынь ¹⁾.

Новорожденнаго царевича окружала та же царственная роскошь, въ какой проходили младенческіе годы всѣхъ царевичей XVII вѣка. Къ младенцу приставленъ былъ цѣлый штатъ. Примемъ мы видимъ кормилицу Ненилу Ерофееву, впоследствии (1684 г.) вышедшую замужъ вторымъ бракомъ за князя Львова. Петра долго—еще и двухъ съ половиною лѣтъ не отнимали отъ груди, и Ненилу Ерофееву должна была смѣнить новая кормилица, имя которой намъ неизвѣстно. По смерти первой „мамы“ княгини Голицыной ея мѣсто заняла боярыня Матрена Романовна Леонтьева, а при ней въ помощницахъ была

¹⁾ Дворц. разр., III, 889-894 и приложенія, 463 и слѣд.

Матрена Васильевна Блохина. При дѣтской царевича состояли еще шесть женщинъ: казначея, завѣдывавшая бѣльемъ и платьемъ и пять постельницъ. Царевичъ со своимъ штатомъ помѣщался въ особыхъ пристроенныхъ къ дворцу деревянныхъ хоромахъ. Одна комната въ этихъ хоромахъ была у него обита „серебряными кожами“. Въ 1674 г. ему построены были „верхнія новыя хоромы“, въ нихъ въ іюлѣ этого года полы, лавки и подоконники обиты были сукномъ червчатымъ амбурскимъ. Позже въ 1676 г. въ новыхъ хоромахъ живописцу Ивану Солтанову поручено было расписать слюдяныя окна, написать „въ кругу орла, по угламъ травы по слюдѣ, а написать такъ, чтобъ изъ хоромъ всквозе видно было, а съ надворья въ хоромы, чтобы не видно было“¹⁾. Въ 1673 г. младенцу устроена была новая колыбель: „бархатъ турской золотой по червчатой землѣ, репьи велики золоты, да репейки серебряны невелики, въ обводѣ морхъ зеленъ, подкладка тафта рудожелта, на обшивку ремня бархатъ червчетъ веницейскій, къ яблокамъ на обшивку обьярь по серебряной землѣ травы золоты съ шелки разными“. Въ колыбель былъ сдѣланъ пуховикъ „наволока камка желта травная, нижняя наволока полотняная тверскихъ полотень, пуху лебяжьего чистаго бѣлаго пошло полпуда“²⁾. Въ 1673 г. въ дѣтскую царевича были заказаны опахала изъ страусовыхъ перьевъ разныхъ цвѣтовъ³⁾. Въ такъ называемыхъ „кроильныхъ“ книгахъ царской и царицыной мастерскихъ палатъ сохранились записки съ описаніемъ одежды и обуви, которыя изготовлялись въ этихъ палатахъ для царевича. 4-го сентября 1674 г. царевичу скроены чулки на бѣличьемъ мѣху: „въ тафтѣ желтой, исподъ подложенъ бѣлей черевей“; въ декабрѣ того же года ему изготовлялись кафтанчики: „кафтанъ обьярь по червчетой землѣ, по немъ струя и травы золото съ серебромъ, въ длину съ заѣасомъ аршинъ, въ плечахъ ширина поларшина, рукавамъ длина полдевята (8^{1/2}) вершка... въ подолѣ два аршина съ четью, подпушка камка желта мелкотрава, шесть пуговокъ обшиты золотомъ волоченымъ, на петли тканъ снурокъ золотной новой“ и другой кафтанъ обьярь по алой землѣ, по ней струя и травы золотыя“, а также кроилась и верхняя одежда: 2 зипуна изъ бѣлаго атласу, одинъ изъ нихъ на собольихъ пупкахъ, зипунъ изъ

¹⁾ Есиповъ, Сборникъ I, 205, 206.

²⁾ Есиповъ, Сборникъ I, 203.

³⁾ Есиповъ, Сборникъ I, 5.

алаго атласу на лисьихъ черевахъ. Въ іюнѣ 1673 г. царевичу кроился „опашень“ объяръ по червчатой землѣ, по ней травы золоты съ серебромъ“, башмаки „бархатъ червчатъ подрядъ и около стелекъ камка желта куфтеръ“, шапка „обнизная (жемчугомъ) чехоль въ тафтѣ алой, подвязки шитыя серебромъ по бѣлому атласу“ и т. д. ¹⁾. Въ составленной въ 1676 г. описи царевичева гардероба, хранившася „въ раковинномъ сундукѣ“, упоминаются: „фerezъи и чюги, и кафтаны ѣздовые, и однорядки суконныя, и шубы, и опашни объяринныя золотыя и серебряныя, и гладкіе, и зуфныя, и фerezы, и зипуны золотныя жъ и серебряныя, и атласныя, и камчатые, и тафтяныя, и шапки бархатныя двоиморхіе и гладкіе и суконныя съ запаны и съ петли жемчужными“ ²⁾.

По мѣрѣ роста царевича дѣтская его наполняется игрушками, описаніе которыхъ намъ также сохранили хозяйственные документы дворцовыхъ приказовъ. Въ январѣ 1673 г. восьми мѣсячному царевичу были сдѣланы „два стрѣльца деревянныхъ потѣшныхъ на колесахъ“. Въ маѣ того же года внесена въ хоромы къ царевичу исполненная шестью костромскими иконописцами „потѣшная книга“ (книга съ картинками).

Ко дню именинъ годовалаго ребенка былъ сдѣланъ „конь деревянный потѣшный“ на колесцахъ желѣзныхъ прорѣзныхъ, обтянутый жеребачьей кожей съ сѣдломъ, положеннымъ на войлокъ, обитый серебряными гвоздиками, съ прорѣзными желѣзными позолоченными стременами и съ уздечкою, украшеною изумрудцами. Къ тому же дню были сдѣланы царевичу игрушечные два „барабанца“, размѣрами одинъ въ четверть аршина, другой въ 3 вершка. Въ іюль 1673 года въ дѣтской появляется музыкальный инструментъ „цымбальцы маленькія“ съ золотымъ шнуркомъ и кистями.

Въ октябрѣ 1673 г. сторожъ Оружейной палаты изготовилъ для царевича деревянныхъ лошадокъ и пушки изъ липоваго и кленоваго дерева противъ данныхъ ему образцовъ. Въ началѣ слѣдующаго 1674 г. у царевича въ хоромахъ упоминаются другіе музыкальные инструменты: „клѣвикортъ“, на который пошло семь колодокъ струнъ мѣдныхъ и цимбалы нѣмецкаго дѣла. Въ апрѣлѣ на Пасхѣ царевичу въ хоромахъ была устроена качель на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ барха-

¹⁾ Есиповъ, Сборникъ I, 199 и сл., 12—13.

²⁾ Есиповъ, ор. с. I, 209.

томъ 1). Въ маѣ того же года въ Оружейной палатѣ золотили для царевича „два ларчика бархатные по желѣзу, старья оправы, скобы и наугольники, и замки, и ключики, и подставочки“. Въ іюнѣ 1674 г. двухгодовалому Петру покупаются луки и стрѣлы: „9 лучковъ жильничковъ да къ нимъ 8 гнѣздъ северегъ“, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ живописцу Ивану Безминову велѣно было расписать золотомъ, серебромъ и красками „5 знаменъ маленькихъ по разнымъ тафтамъ, съ обѣ стороны, солнце и мѣсяць, и звѣзды“. Въ томъ же іюлѣ 1674 г. московскій стрѣлецъ Петрушка Щербакъ чинилъ выданную ему изъ хоромъ царицы Натальи Кирилловны „каретку“, въ которой царевичъ катался по комнатамъ. Въ августѣ покрывались серебромъ „два лука маленькіе“, были изготовлены 6 барабанцевъ, опять упоминаются двое цимбалъ и какіе то еще музыкальные „страменты“, къ которымъ дѣлались впоследствии при починкѣ ихъ 204 иглы стальныхъ; въ декабрѣ въ хоромы царевичу расписывался золотомъ и красками „набатъ потѣшный“ съ привязанной къ нему серебряной тесьмой; иконописецъ Ѳедоръ Нянинъ писалъ золотомъ и серебромъ „барабанецъ“, а книжному переплетчику иноземцу Саввѣ Афанасьеву велѣно было „оболочъ цимбальцы книжкою, сафьяномъ самымъ добрымъ алымъ и навестъ печати золотомъ, а застежки сдѣлать изъ галуны“. Къ Рождеству царевичу дѣлались опять „набаты“. Въ январѣ 1675 г. иконописецъ Тимофей Рязанецъ писалъ царевичу „книгу потѣшную въ четверть листа“, въ февралѣ другой живописецъ расписывалъ красками для царевича „столикъ“. Въ маѣ 1675 г. въ хоромы Петра была сдѣлана „баба деревянная потѣшная“ съ украшеніями: съ серебряной цѣпочкой и серьгами. Слѣдующія затѣмъ записи 1675 года показываютъ, что 3-хъ лѣтнему Петру въ іюнѣ дѣлаются къ двумъ лукамъ тетивы, расписываются золотомъ и красками „потѣхи“: „топорокъ съ обушкомъ, топоръ простой, чеканецъ, пятокъ ножиговъ, топоръ посольской и молотокъ, пятокъ шариковъ, а колокольцы положены въ тѣ шарики (бубенчики)“; изготовляются запасныя потѣхи статей (предметовъ) со сто: булавы, буздуханы, ножики, шестоперы, чеканы, топоры посольскіе и простые, молотки, шарики. Въ ноябрѣ и декабрѣ золотится „пушечка со станкомъ и съ колесцы потѣшная“ и „четыре лучка недомѣрка“ и распи-

1) Забѣлинъ, Опыты, 13.

сываются золотомъ, серебромъ и красками: 5 древокъ, 5 прапоровъ (знаменъ) тафтяныхъ, 4 топора круглыхъ, 3 топора съ обушками, 2 топора простыхъ, 2 буздухана, 4 ножика, 2 пары пистолей и карабины¹⁾).

Такова была обстановка дѣтской царевича Петра въ первые три съ половиной года его жизни. Его хоромы со стѣнами, обтянутыми яркимъ сукномъ и обитыми серебряной кожей, озаряемая лучемъ солнца, проникавшимъ сквозь расписныя слюдяныя окна, полны были красокъ и звуковъ. Съ тѣхъ мгновений, какъ пробуждающееся сознание младенца стало воспринимать окружающія явленія, передъ нимъ открылся цѣлый міръ яркихъ, блестящихъ и звучащихъ предметовъ.

Дѣтская была полна оживленія. Жужжали стрѣлы, спущенныя съ посеребренныхъ луковъ, двигался занимавшій должно быть среди забавъ главное мѣсто деревянный конь въ богатомъ уборѣ съ позолоченными стременами и съ уздечкой, сіявшей изумрудцами, развѣвались пестро расписанныя знамена, развертывались яркія картинки въ потѣшныхъ книгахъ, пускался въ дѣло цѣлый арсеналъ игрушечнаго оружія: топориковъ шестоперовъ, обушковъ и пр., звенѣли струны цымбальцевъ и цымбаль, должно быть бывшихъ въ большомъ употребленіи, потому что часто отдавались въ починку, стучали барабаны, раздавался звонъ маленькихъ потѣшныхъ колоколовъ—набатовъ и бубенчиковъ—вотъ тотъ волшебный міръ игрушекъ, въ которомъ протекали первые годы беззаботнаго младенчества. Замѣтимъ, что къ трехлѣтнему возрасту ясно начинаютъ обнаруживаться наклонности и вкусы царевича: въ безконечномъ запасѣ игрушекъ дѣлается отборъ; преобладаніе начинаютъ получать военныя „потѣхи“.

Въ дѣтской маленькій царевичъ, вѣроятно, не одинъ; къ царевичамъ для игръ подбирали всегда сверстниковъ, дѣтей придворныхъ, въ особенности изъ царицыной родни. О томъ, что Петръ съ младенчества окруженъ былъ товарищами, свидѣтельствуется уже и то количество, въ которомъ заготавливаются для его дѣтской игрушки: знамена, барабанцы, игрушечное оружіе. Такіе мальчики при царевичахъ жаловались званіемъ комнатныхъ стольниковъ. Однимъ изъ участниковъ дѣтскихъ игръ Петра съ младенческихъ лѣтъ былъ сынъ воспитателя царицы Артамона Сергѣевича Матвѣева будущій видный со-

¹⁾ Есипевъ. Сборникъ I. 3—16.

трудникъ царя— Андрей Артамоновичъ (род. 1666), пожалованный званіемъ стольника на 8-мъ году отъ роду. Изъ этого же круга комнатныхъ стольниковъ при царевичѣ вышли сотрудники Петра— Автономъ Михайловичъ Головинъ и знаменитый канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ. Необходимой принадлежностью дѣтской царевичей въ XVII вѣкѣ были „комнатные карлы“. Такихъ карликовъ упоминается при двухлѣтнемъ царевичѣ трое, въ 1679—четверо ¹⁾).

Слѣдуетъ признать чистымъ вымысломъ рассказъ Крекшина, будто еще при жизни царя Алексѣя изъ дѣтей, окружавшихъ царевича, составленъ былъ потѣшный полкъ, носившій названіе Петрова полка. Недостовѣренъ также и рассказъ француза Невиля о томъ, что руководителемъ военныхъ забавъ царевича былъ состоявшій на московской службѣ иноземецъ Менезій, котораго царь Алексѣй Михайловичъ, умирая, будто бы назначилъ воспитателемъ Петра. Все участіе Менезія, бывавшаго, дѣйствительно, при дворѣ, могло заключаться въ томъ, что онъ видѣлъ игры Петра со сверстниками въ солдатикѣ и, можетъ быть, далъ при этомъ, какъ военный человекъ, какія-либо указанія игравшимъ дѣтямъ ²⁾).

Гдѣ кромѣ кремлевскихъ хоромъ бывалъ Петръ въ первые младенческіе годы? Нельзя сказать съ точностью, вывозили ли его или нѣтъ въ какую-либо изъ подмосковныхъ резиденцій осенью 1672 года и весной и лѣтомъ 1673 года, такъ какъ за этотъ періодъ времени утрачены и Дворцовые разряды и записи Царскихъ выходовъ ³⁾). Первымъ записаннымъ въ уцѣлѣвшихъ документахъ выѣздомъ его изъ Москвы было путешествіе къ Троицѣ, куда царь Алексѣй Михайловичъ отправился „съ Государынею царицею и царевичи и съ царевны“ 5-го октября 1673 г. Обыкновенно царь осенью ѣздилъ къ Троицѣ въ сентябрѣ къ 25-му на праздникъ преп. Сергія. Въ 1673 г. задержало эту поѣздку разрѣшеніе царицы Натальи Кирилловны отъ бремени дочерью царевной Натальей Алексѣевной (род. 22 августа 1673 г.). Состоявшій изъ множества каретъ царскій поѣздъ двигался медленно, подолгу останавливаясь на промежуточныхъ станяхъ и прибылъ въ монастырь только 15 октября къ вечеру.

¹⁾ Есиповъ, Сборникъ I отд. I, №№ 42, 43, 63, 64, 65, 74, 107, 119.

²⁾ Шурло, Критическія замѣтки, Ж. М. Н. Пр. 1901 декабрь. Чарыковъ Писольство въ Римѣ и служба въ Москвѣ Павла Менезія. Гл. 5.

³⁾ То, что помѣщено Стросвымъ въ Выходахъ подъ 1672 и 1673 г.г., относится къ 1673 и 1674 годамъ.

Проведя въ монастырѣ 16-ое, царь Алексѣй Михайловичъ отбылъ оттуда 17-го октября и возвращался съ тою же медленностью, проводя по нѣскольку дней на станахъ въ селахъ Воздвиженскомъ, Братовщинѣ и Тайнинскомъ а. 26-го октября царь съ семьєю достигъ, наконецъ, Преображенскаго, гдѣ и оставался до 14-го ноября. 14-го ноября 1673 года онъ уѣхалъ въ Коломенское, а „великая государыня царица и великіе государи царевичи и государыни царевны изъ Преображенскаго жъ изволили притти къ Москвѣ¹⁾“. До 14 мая 1674 г. Петръ оставался въ Москвѣ. 14-го мая „въ четвертокъ послѣ столоваго кушанья великій государь со всѣмъ своимъ государскимъ домою изволилъ итти въ монастырь преподобнаго отца Саввы Сторожевскаго²⁾“. Путешествіе совершалось опять такъ же неторопливо, какъ и предыдущая поѣздка къ Троицѣ. До 22-го мая царь прожилъ на первомъ стану по дорогѣ въ Савинъ монастырь въ селѣ Хорошевѣ, откуда 21-го мая пріѣзжалъ даже въ Москву и побывалъ въ монастыряхъ Алексѣевскомъ, Зачатіевскомъ и Новодѣвичьемъ. 22 мая Дворъ двинулся изъ Хорошева на слѣдующій станъ въ село Павлово и тамъ оставался до 25-го мая. Утромъ этого дня царь прибылъ въ монастырь, былъ у обѣдни, а послѣ столоваго кушанья въ 13-мъ часу дня—въ 4-мъ часу дня по нашему счету—посѣтилъ монастырскую больницу. Проведя у Саввы Звенигородскаго и праздникъ Вознесенія 28-го мая, Алексѣй Михайловичъ двинулся въ обратный путь 29-го мая и 30 прибылъ въ село Воробьево, гдѣ царское семейство и проводило время до 7-го іюля. Здѣсь 29 іюня были отпразднованы именины двухлѣтняго царевича. Наканунѣ государь слушалъ малую вечерню и всенощную въ селѣ Воробьевѣ. Въ самый Петровъ день къ литургіи выѣзжалъ въ Новодѣвичій монастырь и, вернувшись въ Воробьево, принималъ поздравленія и давалъ обѣдъ на чистомъ воздухѣ: „именинными“ пирогами жаловалъ бояръ, и окольныхъ и думныхъ людей на Переднемъ крыльцѣ. Столъ былъ въ бархатной палаткѣ и въ шатрахъ⁴⁾. 7-го іюля Алексѣй Михайловичъ съ семьєю изъ Воробьева переселился въ Москву.

Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ опять приходило время ро-

¹⁾ Дворц. разр. III, 906—8; Выходы, стр. 562 и сл.

²⁾ Дворц. разр. III, 909.

³⁾ Выходы; 14-ое мая въ четвергъ приходилось въ 1674, а не въ 1673, какъ напечатано въ выходахъ.

⁴⁾ Выходы.

дять, и, вѣроятно, поэтому она съ 7-го іюля оставалась въ Москвѣ. 4-го сентября 1674 г. царица разрѣшилась дочерью царевной Ѳеодорой и поэтому не могла сопровождать царя въ обычной его поѣздкѣ къ Троицѣ, предпринятой 23-го сентября. 24-го октября царь Алексѣй со старшимъ сыномъ царевичемъ Ѳеодоромъ посѣтилъ кремлевскіе храмы и монастыри: Успенскій и Архангельскій соборы, Вознесенскій и Чудовъ монастыри, находившіяся тогда въ Кремлѣ подворья Троицкаго Сергіева и Кирилло-Бѣлозерскаго монастырей и церковь св. Николая Гостунскаго (на Ивановской колокольнѣ). Слѣдомъ за ними по тѣмъ же монастырямъ и церквамъ ходила „Государыня царица, а съ нею государи царевичи меньшіе (т. е. Иванъ и Петръ) да государыни царевны“. Царицу въ ея богомольѣ сопровождала большая свита, въ которой были ближніе люди, стольники, мамы, верховыя боярыни, казначей. Богомолье было предпринято передъ отъѣздомъ изъ Москвы. На другой день 25-го октября 1674 г. дворъ выѣхалъ въ Преображенское. Царь ѣхалъ въ каретѣ съ царевичемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. За ними двигался въ каретѣ Иванъ Алексѣевичъ съ дядькою кн. П. И. Прозоровскимъ. Затѣмъ въ колымагѣ, запряженной 12-ю лошадьми, ѣхала царица. „Да съ нею же государынею сидѣли въ колымагѣ: государь царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ, да меньшія государыни царевны (Наталья да Ѳедора), да мамы, да боярина Кириллова жена Полуэктовича Нарышкина Анна Леонтьевна (мать Натальи Кирилловны), да стольника и ближняго челоуѣка Иванова жена Кирилловича Нарышкина Прасковья Алексѣевна“; за каретой царицы ѣхали ея отецъ и воспитатель, бояре К. П. Нарышкинъ, А. С. Матвѣевъ и шли царицыны стольники, „да 40 челоуѣкъ дворянъ. За ними двигались еще двѣ колымаги, въ одной сидѣли „государыни царевны большія“ сестры царя Алексѣя Михайловича, въ другой „государыни“ царевны меньшія—его дочери, тѣ и другія съ ихъ верховыми боярынями. За колымагами царицы и царевенъ ѣхали въ колымагахъ „верховыя боярыни и казначей, и карлицы, и постельницы, а всѣхъ шло за государынею царицею и за государыни царевны 30 колымагъ“, причемъ подлѣ каждой ѣхало по двое царицыныхъ дѣтей боярскихъ. Весь этотъ громадный царскій поѣздъ конвоировался еще пѣшими и конными стрѣльцами¹⁾.

¹⁾ Дворц. Разр. III 1089—1092.

Пребываніе въ Преображенскомъ въ эту осень 1674 г. было особенно веселымъ, по крайней мѣрѣ, отличалось „потѣхами“. Два раза давалась въ Преображенскомъ придворномъ театрѣ комедія. Въ первый разъ тѣшили его великаго государя иноземцы: „какъ Алаѳерна царица (sic) царю голову отсѣкла“ и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. На этомъ спектаклѣ былъ государь со свитой, при чемъ за тѣми боярами и ближними людьми, которые не были за государемъ въ походѣ въ селѣ Преображенскомъ, посланы были въ Москву сокольники и стремянные конюхи съ указомъ быть къ государю въ Преображенское. На другомъ спектаклѣ царь присутствовалъ съ семьей: „Того жъ году“, читаемъ мы въ Дворцовыхъ Разрядахъ: „была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ другая комедія, и съ нимъ великимъ государемъ была государыня царица, государи царевичи (но едва-ли и Петръ, которому было всего 2½ года) и государыни царевны. И тѣшили великаго государя нѣмцы жъ да люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева: „какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и по Мардахейну наученью“ и въ органы играли и на фіоляхъ, и въ страменты и танцовали. „А за нимъ великимъ государемъ въ комедіи были бояре и окольнічіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди, и стольники, и всякихъ чиновъ люди“. Третье такого рода увеселеніе было на Филиппово заговѣнье—14 ноября: „была у великаго государя потѣха на заговѣнье, а тѣшили его великаго государя иноземцы да нѣмцы, да люди боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева на арганахъ, и на фіоляхъ, и на страментахъ и танцовали и всякими потѣхами разными“ 1).

Съ наступленіемъ рождественскаго поста театральныя зрѣлища съ участіемъ иноземной труппы съ музыкой и танцами должны были прекратиться; развлеченія царской семьи получили иной характеръ. „Декабря въ 7-ой день ходилъ великій государь изъ села Преображенскаго съ государынею и съ государи царевичи и съ государыни царевны въ село Измайлово тѣшиться (охотиться) и всякаго строенія смотрѣти; и кушанье раннее было у великаго государя въ селѣ Измайловѣ“ 2). На другой день 8-го декабря царь также со-

1) Двсрц. Разр. III, 1131—32.

2) Двсрц. Разр. III, 1128.

всею семьею: съ царицей, царевичами и царевнами выѣзжалъ „тѣшиться“ въ сосѣднее съ Преображенскимъ село Алексѣевское, гдѣ и было „раннее кушанье“. 13-го декабря Алексѣй Михайловичъ вновь отправился на охоту въ село Островъ, но на этотъ разъ уже одинъ, царская семья въ этотъ день возвратилась въ Москву такимъ же внушительнымъ поѣздомъ. Царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ ѣхалъ „въ избушкѣ“ (поставленной на сани), запряженной шестью лошадьми; съ нимъ сидѣли его дядьки: бояринъ кн. Ѳ. Ѳ. Курякинъ, да окольникій И. Б. Хитрово. За нимъ двигалась „въ каптанѣ“, запряженной 12 лошадьми, царица. Далѣе царевны большія и меньшія и, наконецъ, боярыни верховыя, казначей, карлицы и постельницы „каптанъ съ пятьдесятъ“¹⁾.

Зима и весна 1674—75 г.г. были проведены царской семьею въ кремлевскихъ хоромахъ. 14-го февраля 1675 года въ прощенное воскресенье передъ началомъ великаго поста царица съ обоими царевичами Иваномъ и Петромъ и съ царевнами ходила на богомолье по кремлевскимъ соборамъ и монастырямъ въ 1-мъ часу дня, по нашему счету въ 8-мъ часу утра²⁾. Такое же богомолье по кремлевскимъ церквямъ царица предприняла въ Ѳомино воскресенье 11 апрѣля одна; и затѣмъ въ тотъ же день объѣхала вмѣстѣ съ царевичами и царевнами нѣкоторые «загородные» монастыри: Новодѣвичій, Зачатіевскій и Страстной.

Посѣщая монастыри, царица жаловала игуменій съ сестрами къ рукѣ, при чемъ ее поддерживали подъ руки справа мать боярыня А. Л. Нарышкина, а слѣва боярыня Пр. А. Нарышкина, при чемъ по указу государыни первая изъ боярынь спрашивала у игуменій съ сестрами о спасеніи, а пріѣзжихъ находившихся въ монастыряхъ разныхъ чиновъ боярынь о здоровьѣ³⁾.

Съ апрѣля же 1675 года начались приготовленія къ переѣзду царской семьи въ село Воробьево: были посланы туда плотники изъ стрѣльцовъ разныхъ приказовъ 300 человекъ, велѣно было имъ построить къ приходу великаго государя хоромы⁴⁾. 23-го мая въ Троицынъ день указано было дум-

¹⁾ Дворц. Разр. III, 1135.

²⁾ Дворц. Разр. III, 1235.

³⁾ Дворц. Разр. III 1320 и 1354—5. Пропускъ въ III т. Дворцовыхъ Разрядовъ въ нѣсколько листовъ на ст. 1320 долженъ быть заполненъ записями, напечатанными на стр. 1350 «великому государю» и т. д. 1355.

⁴⁾ Двор. Разр. III, 1331—332.

ному дьяку Разряда Герасиму Дохтурову послать стрѣльцовъ по дворамъ къ стряпчимъ и дворянамъ московскимъ съ повѣстками, чтобы они были на слѣдующій день къ походу; а изъ приказа Большого дворца были отправлены на Воробьевы горы «всѣ государевы обиходы», т.-е., какъ мы бы сказали теперь, гофмаршальская часть. Въ тотъ же день 23 мая «послана напередъ въ походъ на Воробьеву гору съ верху нарочно боярыня Матрена Васильевна Блохина (мама царевича Петра), да съ нею 10 постельницъ да 10 дѣтей боярскихъ государыни царицы; а велѣно ей досмотрѣть во всѣхъ хоромахъ государыни царицы и государынь царевень, и государей царевичевъ, что все ли въ хоромахъ сдѣлано стройно и самой ей Матренѣ велѣно дожидаться приходу великаго государя»¹⁾. Самъ государь вмѣстѣ съ царицей передъ отъѣздомъ изъ Москвы посѣтили кремлевскіе соборы и монастыри, при чемъ во время этого богомолья передъ царской четой по случаю Троицына дня стольники несли на коврѣ «листъ и вѣникъ». Отъѣздъ состоялся въ Духовъ день, 24 мая. Царь ѣхалъ въ одной каретѣ съ царевичемъ Ѳедоромъ; царевичъ Иванъ Алексѣевичъ отдѣльно, царица въ одной колымагѣ съ царевичемъ Петромъ, съ меньшими царевнами и съ тѣми боярынями, которыя ее обыкновенно сопровождали.

Житіе въ Воробьевѣ длилось на этотъ разъ съ 24-го мая по 19 іюня. Здѣсь, вѣроятно, Матвѣевъ 28-го мая «ударилъ челомъ» царю Алексѣю Михайловичу и его дѣтямъ подарками; царю подарилъ «карету черную нѣмецкую» и 6 лошадей, царевичу Ѳедору карету бархатную червчату, 6 лошадей, нѣмецкую библию съ иллюстраціями («въ лицахъ»), да музыкальные инструменты: «клевикорты да двѣ охлавки»; царевичу Петру: «карету маленькую, а въ ней 4 возника темно-баріе, а на возникахъ шлеи бархатныя, пряжки вызолочены, начельники, и гривы, и нахвостники шитые, а кругъ кареты рѣзи вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены, да вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдъ вызолочено, да кругъ, кареты стекла хрустальные, а на стеклахъ писаны цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ... а кругъ кареты бахромы золотыя». Кромѣ этой маленькой каретки бояринъ подарилъ еще Петру рыжаго иноходца «попона аксамитная, мунштукъ нѣмецкой съ яшмы, начелки, и нагровки и нахвостникъ шиты», да нѣмецкаго снѣгиря (попу-

¹⁾ Дворц. Разр. III, 1403—404.

гая?). Въ Воробьево царевичу Петру отправлялись изъ Москвы игрушки. 4-го іюня были ему сдѣланы тетивы къ двумъ лукамъ. 11-го іюня были даны деньги сторожу Никиткѣ на проѣздъ въ Воробьево: «отвозилъ онъ сторожъ коня деревяннаго къ государю царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу»¹⁾. 8-го іюня, въ день ангела царевича Ѳедора, царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ съ царевичемъ именинникомъ къ обѣднѣ въ Новодѣвичій монастырь, а царица съ двумя царевичами Иваномъ и Петромъ въ сопровожденіи свиты боярынъ и постельницъ въ 20 колымагахъ къ приходской церкви къ Троицѣ (въ Воробьевѣ?). 19 іюня Дворъ переѣхалъ изъ Воробьева въ Преображенское, гдѣ пробылъ до 28-го іюня.

На другой день по пріѣздѣ въ Преображенское царь, побывавъ у обѣдни въ селѣ Покровскомъ, «послѣ кушанья» ѣздилъ съ семьей «тѣшиться» въ Измайлово, при чемъ сидѣлъ въ каретѣ съ царевичами Ѳедоромъ и Петромъ.

Изъ описанія этой поѣздки видно, что трехлѣтній Петръ выѣзжаетъ съ отцомъ, выходя уже такимъ образомъ хотя бы на это время изъ рукъ женскаго персонала: мамъ. 23 іюня царица выѣзжала съ царевичами Ѳедоромъ и Петромъ къ обѣднѣ въ село Покровское. 26 іюня Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ изъ Преображенскаго въ Измайлово «тѣшиться» на этотъ разъ съ царицею, съ царевичемъ Ѳедоромъ и съ большими царевнами. Петръ не упомянутъ въ описаніи этой поѣздки, но не упомянутъ и при перечисленіи членовъ царскаго семейства, оставшихся въ Преображенскомъ. Особенностью этой увеселительной охотничьей прогулки царя былъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ: «и кушанье было у великаго государя въ селѣ Измайловѣ въ рощѣ»²⁾. Къ именинамъ Петра царское семейство 28 іюня опять вернулось въ Воробьево.

Въ день ангела царевича Петра 29 іюня царь со старшимъ сыномъ былъ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ служили патріархъ и власти. Вернувшись отъ обѣдни въ Воробьево, государь жаловалъ бояръ и ближнихъ людей пирогами; затѣмъ былъ обѣдъ въ шатрахъ; на обѣдѣ также присутствовалъ патріархъ съ высшимъ духовенствомъ. Особенность празднованія именинъ царевича въ 1675 г. состояла между прочимъ и въ томъ, что во время обѣда царь „посылалъ отъ себя со столомъ

1) Еомовъ, Сборникъ, I 14-15

2) Дворц. разр. III, 1483--84.

(т.-е. съ блюдами) къ государю царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу боярина и оружейничаго Б. М. Хитрово, завѣдывавшаго приказомъ Большого Дворца, министра двора по-нашему, «за нимъ несли кубки и ѣству стольники великаго государя по списку». Царевичъ-именинникъ благодарилъ боярина и угощалъ его: „и государь царевичъ жаловалъ за то боярина и оружничьяго Богдана Матвѣевича водкою и подачами съ кубки и съ чарки“. Царица жаловала въ этотъ день пирогами свой штатъ: мамъ, верховыхъ боярынъ, казначей, кормилицъ и постельницъ.

1-го іюля 1675 г. государь выѣзжалъ изъ Воробьева къ Дѣвичьему монастырю и «тѣшился» подъ Дѣвичьимъ монастыремъ «въ лугахъ и на водахъ съ соколами и съ кречетами, и съ ястребы». Царя сопровождали на охоту Наталья Кирилловна и царевичи Ѳедоръ и Петръ. Въ это послѣднее лѣто своей жизни Алексѣй Михайловичъ бывалъ во всѣхъ своихъ любимыхъ подмосковныхъ резиденціяхъ. Изъ Воробьева 14-го іюля Дворъ переѣхалъ въ Коломенское; тамъ проведено было время до 26-го іюля, когда царское семейство вернулось опять въ Воробьево, гдѣ оставалось на этотъ разъ немногимъ болѣе мѣсяца до 29 августа.

Здѣсь 27 (sic) августа праздновались именины царицы Натальи Кирилловны, а 29 августа именины царевича Ивана Алексѣевича. Къ обѣднѣ царь выходилъ въ полотняную церковь, устроенную на Воробьевѣ близъ государева двора и освященную 21-го іюня 1675 г. Въ тотъ же день 29 августа Алексѣй Михайловичъ съ семьєю переѣхалъ въ Коломенское. Здѣсь 2-го сентября представлялось ему и занимавшему на особомъ тронѣ по лѣвую руку царя царевичу Ѳедору Алексѣевичу цесарское посольство, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшее въ Москву. Во время этой аудіенціи и произошелъ случай, описанный секретаремъ посольства Лизекомъ: царица тайно смотрѣла на пріемъ изъ сосѣдней комнаты, а бывший съ ней Петръ вдругъ распахнулъ дверь и далъ случай иностранцамъ увидѣть московскую государыню. На 10 сентября, день ангела младшей царевны Ѳедоры, царь съ семьєю вновь перебрался въ Воробьево, слушалъ тамъ литургію въ полотняной церкви, а 12-го сентября „со всѣмъ своимъ государскимъ домомъ“ переѣхалъ въ Москву. Черезъ недѣлю 19-го сентября царское семейство выѣхало къ Троицѣ. Выѣздъ этотъ черезъ Спасскія ворота, Красную площадь, по Никольской смотрѣли поставленные по разнымъ мѣстамъ иностран-

ные посланники, и высказанныя ими впечатлѣнія отъ этого зрѣлища были записаны сопровождавшими ихъ московскими приставами. Датскій резидентъ, Монсъ Гей, стоявшій у сѣдельнаго ряда и удивлявшійся великолѣпію царскаго поѣзда, обратилъ особенное вниманіе на маленькую каретку Петра, подаренную ему Матвѣевымъ, и на окружавшихъ его карликовъ. Польскій резидентъ смотря на эту же каретку, „что была зѣло преукрашена и съ дивными маленькими возниками, и тому похваляя, выдивиться не могъ“¹⁾. Секретарь цесарскаго посольства Лизекъ, наблюдавшій поѣздъ у Казанскаго собора, пишетъ, что „вслѣдъ за поѣздомъ царя показался поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ стольникъ съ двумястами скороходовъ, за ними вели 12 рослыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей изъподъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошадки крошечной породы, по бокамъ шли четыре карлика и такой же сзади, верхомъ на крохотномъ конькѣ²⁾“. Отъ Троицы вернулись въ Москву 3-го октября. Поздняя осень и начало зимы съ 9 ноября по 15-ое декабря были по обыкновенію проведены Алексѣемъ Михайловичемъ въ Преображенскомъ. И это было послѣднее житье его тамъ.

Безмятежно, какъ тихій лѣтній день, прошли три года и семь мѣсяцевъ дѣтства Петра съ свѣтлыми и радостными впечатлѣніями уютнаго Кремлевскаго терема и загороднаго приволья на чистомъ воздухѣ въ Воробьевѣ, Коломенскомъ и Преображенскомъ, пышныхъ выѣздовъ царя Алексѣя, его походовъ на богомолье къ святынямъ, его красивыхъ и занимательныхъ для дѣтскаго вниманія соколиныхъ потѣхъ. Вдругъ стряслась бѣда. Въ январѣ 1676 г. царь Алексѣй Михайловичъ внезапно занемогъ. 6 января онъ принималъ участіе въ торжественномъ выходѣ на Іордань, 12-го праздновалъ именины сестры Татьяны Михайловны. 19-го была при дворѣ комедія³⁾ съ музыкой, но царь почувствовалъ себя нездоровымъ, слегъ въ постель и, прохворавъ 10 дней, 29 января скончался. 30 января состоялся выносъ его тѣла въ Архангельскій соборъ и погребеніе. За гробомъ несли новаго государя болѣзненнаго Ѳедора Алексѣевича въ креслахъ, за нимъ, по

1) Памятники дипломатическихъ сношеній V, 230 и сл.

2) Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, I.

3) Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, стр. 214.

древнему обычаю несли въ саняхъ царицу-вдову Наталью Кирилловну. Младенца царевича на похоронахъ не было.

При дворѣ должны были произойти перемѣны. Старшими дѣтьми царя Алексѣя, ихъ родственниками по матери и приспѣшниками второй бракъ отца съ Нарышкиной былъ встрѣченъ враждебно. Недружелюбное отношеніе къ молодой мачехѣ, сдерживаемое при отцѣ, теперь проявилось открыто. Царица-вдова съ ея малолѣтними дѣтьми должна была занять во дворцѣ второстепенное мѣсто. Черезъ полгода надъ ней разразился новый ударъ. 4-го іюля 1676 года ея воспитатель бояринъ А. С. Матвѣевъ, «пріятель» царя Алексѣя и его первый министръ, ближайшій совѣтникъ царицы послѣ смерти мужа, опора ея и Нарышкиныхъ, былъ отправленъ въ ссылку, сначала въ почетную въ Верхотурье на воеводство, а затѣмъ и въ заточеніе въ Пустозерскъ. Высланъ былъ изъ столицы старшій изъ братьевъ Натальи Кирилловны—Иванъ Кирилловичъ. Однако распространеныя ранѣе у прежнихъ историковъ сдѣлавшіяся ходячими представленія о томъ, что сама царица Наталья Кирилловна по смерти мужа принуждена была удалиться изъ Москвы и поселиться въ Преображенскомъ совершенно невѣрны. Проф. Шмурло доказалъ, что царица продолжала оставаться въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Она ведетъ теперь гораздо болѣе неподвижный образъ жизни, чѣмъ это было ранѣе. Весь печальный для нея 1676 годъ былъ проведенъ безвыѣздно въ Москвѣ¹⁾. Ребенокъ-царевичъ, разумѣется, не сознавалъ происшедшаго; въ его дѣтской продолжаютъ тѣ же, какъ и раньше, беззаботныя игры, и дѣтская наполняется такими же игрушками. На святой недѣлѣ велѣно было живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками „гнѣздо голубей, гнѣздо ракитокъ, гнѣздо щеглятъ, гнѣздо канареекъ, гнѣздо чижей, гнѣздо барановъ, а у барашковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть по нимъ сущая“²⁾. 24-го апрѣля того же года тотъ же живописецъ Иванъ Салтановъ получилъ приказъ расписать красками „сиволчки“ (волоки) для царевича. 15-го мая мастеру стрѣльнаго дѣла Оружейной палаты Василю Емельянову велѣно было сдѣлать царевичу „саадакъ“ стрѣлъ, по счету 17 стрѣлъ. Въ томъ же мѣсяцѣ въ Оружейной палатѣ иконописцами Някифоромъ Бѣлкинымъ и Ѳедоромъ Матвѣевымъ писалась

¹⁾ Шмурло, критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. Ж. М. Н. Пр. 1900. августъ, 230.

²⁾ Забѣлинъ Опытъ 1, 14.

Его же. Домашній бытъ русскихъ царей, часть II, 204.

по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой потѣшная книга, для чего было закуплено двѣ дести бумаги писчей, толстой, гладкой и доброй и выдано 10 золотниковъ шафрану и 100 листовъ золота листового сусального. Въ іюлѣ живописцу Дорофею Ермолаеву было выдано 1 р. 19 алтынъ 4 д. за золото и краски, которыми онъ расписывалъ потѣшныя игры: пару пицалей, пару пистолей, три булавы, три пернача, три обушка, три топорика, три ножика въ хоромы къ государю царевичу Петру Алексѣевичу. Въ августѣ покрывалось бархатомъ чернымъ и вишневымъ сѣдло для царевича, вѣроятно, для ея деревяннаго коня. 31 августа живописецъ Дорофей Ермолаевъ получилъ деньги за золото и краски: „тѣмъ золотомъ и красками прописывалъ барабанецъ маленькій“; въ сентябрѣ въ хоромы царевича поступила потѣшная сабля: ножны покрыты газомъ зеленымъ, оправа мѣдная золоченая, поясъ сабельный шелковый турецкаго дѣла. Въ декабрѣ царевичу дѣлается пять барабанцевъ, а также потѣшные деревянные пистолы, карабины, пицали винтовыя съ замками¹⁾.

Въ 1677 г. въ концѣ августа царица выѣзжала съ дѣтьми на нѣсколько дней (29, 30, 31 августа) въ Коломенское²⁾; въ концѣ сентября того же года была у Троицы. Въ этомъ „Троицкомъ объѣздѣ“, какъ читаемъ въ одной изъ записей царицыной мастерской палаты, царевичу Петру была сдѣлана фerezея, обшита серебрянымъ плетенымъ кружевомъ³⁾. Въ 1678 году опять въ концѣ августа былъ выѣздъ въ Коломенское (22 августа)⁴⁾; такъ же, вѣроятно, прошли и слѣдующіе 1679—1681 годы⁵⁾. Къ концу 1679 г. относится перемѣна въ штатѣ царевича: изъ рукъ мамы, изъ-подъ женскаго надзора онъ переходитъ въ руки мужского педагогическаго персонала. Къ нему приставленъ дядька бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ съ помощниками, которыми были назначены думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и стольникъ Тимофей Борисовичъ Юшковъ. 30 ноября 1679 года бояринъ Р. М. Стрѣшневъ приказывалъ дѣлать въ хо-

1) Есиповъ, Сборникъ I, 16—18 ор. с. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей, часть II, прилож. IV, 2.

2) Шмурло, ор. cit., 23.

3) Есиповъ, Сборникъ I, 29.

4) Есиповъ, Сборникъ, I, 221.

5) Шмурло, ор. cit. 233--34: «Легенда о Преображенскомъ, какъ мѣстѣ, куда будто бы царица Наталья Кирилловна съ сыномъ Петромъ была удалена при жизни своего пасынка, должна быть оставлена и лишена права претендовать на значеніе историческаго факта»

ромы къ царевичу деревянныя потѣшныя сабли, палаши, канчѣры и топорки. 2-го декабря онъ принимаетъ «разныя потѣшки», купить которыя было поручено истопнику Семену Золотому. 13-го декабря онъ же принялъ въ хоромы царевича листъ александрійской бумаги, на которомъ Оружейной палаты живописный мастеръ Карпъ Ивановъ написалъ красками и золотомъ „двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесныя противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано“ т. е. какъ въ столовой было изображено на плафонѣ¹⁾).

Незвѣстно, когда царевичъ Петръ началъ обучаться грамотѣ. Крекшинъ въ своемъ наполовину баснословномъ повѣствованіи о дѣлахъ Петра Великаго приводитъ дату—12 марта 1677 г., когда, слѣдовательно, царевичу шель пятый годъ²⁾. Забѣлинъ считалъ возможнымъ приурочить это событіе къ болѣе раннему времени и высказывалъ предположеніе, что Петра начали обучать еще при жизни отца. На эту мысль навело Забѣлина найденное имъ въ расходныхъ книгахъ Тайнаго приказа извѣстіе, что подъячій этого приказа Григорій Гавриловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 г. писалъ въ хоромы къ государю азбуку и часословъ. 26-го ноября ему выдано въ награду 10 рублей, а 27-го ноября въ соборѣ Николы Гостунскаго было отслужено молебствіе для многолѣтняго здравія Петра Алексѣевича, какъ думалъ Забѣлинъ, передъ началомъ ученія, которое вообще было въ обычаѣ начинать со дня пророка Наума 1-го декабря³⁾. Наоборотъ проф. Шмурло въ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи Петра Великаго“ отодвигаетъ начало занятій царевича къ концу 1675 г., когда Петру шель уже восьмой годъ отъ роду⁴⁾. Итакъ, указываются три даты: 12 марта 1677 г., 27 ноября или 1 декабря 1675 г. и конецъ 1679 г. Крекшинъ, конечно, писатель недостовѣрный; его рассказъ полонъ небылицъ и выдумокъ. Но какъ можно выдумывать и сочинять точную дату, которую онъ приводитъ? Именно ея опредѣленность и точность сообщаютъ ей характеръ вѣроятности. Забѣлинъ свои соображенія высказывалъ нерѣшительно, какъ предположеніе. Но все же приведенныя имъ извѣстія тре-

1) Есипевъ, Сборникъ, I, 21.

2) Крекшинъ, въ Запискахъ, изданныхъ Сахаровымъ, стр. 19.

3) Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей, т. I часть II, 222, рамѣе въ „Опытахъ“, 33—34.

4) Шмурло, Op. cit. Ж. М. Н. Пр. 1902, апрѣль.

буютъ разъясненія: надо доказать, что эти извѣстія не имѣютъ отношенія къ началу занятій Петра, тогда и предположенія Забѣлина потеряютъ силу. Противъ его даты, противъ начала обученія Петра въ декабрь 1675 года говоритъ слишкомъ ранній возрастъ царевича; припомнимъ, что Петра отъ груди отняли только $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, слѣдовательно, если принять дату Забѣлина — незадолго всего за годъ до начала обученія! За дату, приводимую Шмурло — конецъ 1679 года — говорятъ два соображенія. Во-первыхъ, въ это время мѣняются лица, которымъ порученъ надзоръ за царевичемъ: изъ рукъ мамъ онъ переходитъ въ руки воспитателей Р. М. Стрѣшнева съ помощниками. Естественно поэтому ставить въ связь съ этой перемѣной надзора также и начало учебныхъ занятій. Во-вторыхъ, какъ разъ съ начала 1680 г. въ хозяйственныхъ дворцовыхъ записяхъ встрѣчаемъ рядъ извѣстій, касающихся учебныхъ занятій и показывающихъ, что эти занятія начались такъ 4 марта оклеенъ червчатымъ атласомъ „учительный налой“ царевича; 15 марта того же года оклеенъ червчатымъ бархатомъ „букварь“ царевича; 24 марта иконописецъ Тимофей Рязанецъ писалъ и расцвѣчивалъ шафраномъ „потѣшные листы“ въ хоромы царевичу¹⁾. Предположеніе Шмурло наиболѣе вѣроятно, но все же полной достовѣрностью не обладаетъ. Остаются непоколебленными дата Крекшина и предположеніе Забѣлина. Вопросъ о времени начала учебныхъ занятій Петра надо считать пока нерѣшеннымъ и открытымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ какой-либо документъ, который позволитъ рѣшить его съ точностью.

Неизвѣстно также, кто началъ обучать Петра грамотѣ. Тотъ же Крекшинъ даетъ очень живо написанный рассказъ о началѣ занятій Петра, гдѣ первымъ учителемъ является „изъ приказныхъ“ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Крекшинъ повѣствуетъ, какъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ обратилъ вниманіе царицы Натальи Кирилловны, что царевичу Петру приспѣло время учиться, какъ по докладу боярина Ѳедора Прокофьевича Соковнина былъ призванъ къ этому дѣлу Зотовъ, какъ онъ былъ представленъ царю, проэкзаменованъ въ его присутствіи Симеономъ Полоцкимъ и найденъ пригоднымъ къ новой обязанности, какъ затѣмъ патріархъ отслужилъ молебенъ и, благословивъ отрока, вручилъ его учителю, и тотъ посадилъ его за ученье, разнообразя уроки показываніемъ

¹⁾ Шмурло, *op. cit.* Ж. М. Н. Пр. 1912, апрѣль.

„кунштовъ“ т.-е. картинъ, и рассказами изъ русской исторіи, къ которой мальчикъ почувствовалъ интересъ и охоту¹⁾). Но все ли въ этомъ разсказѣ вѣрно и Зотовъ ли началъ обучать царевича грамотѣ?

Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ въ 1669 и 1670 годахъ значится въ спискахъ подъячихъ Челобитнаго приказа, занимаемая среди подъячихъ этого приказа второе мѣсто съ окладомъ помѣстнымъ въ 200 четей и денежнымъ въ 35 рублей²⁾). Можно думать, что Зотовъ былъ на виду въ правительственныхъ сферахъ, какъ опытный приказный дѣлецъ. Въ 1675 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ была учреждена слѣдственная коммиссія для разслѣдованія злоупотребленій бывшаго на Дону воеводой думнаго дворянина Ивана Севастьяновича Большого Хитрово. Въ составъ этой коммиссіи вошли: бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій, думный дьякъ Стрѣлецкаго приказа Ларіонъ Ивановъ и дьякъ Челобитнаго приказа Никита Моисеевъ Зотовъ³⁾). Въ 1679 г. Н. М. Зотовъ значится уже дьякомъ Владимірскаго суднаго приказа, находящагося подъ начальствомъ кн. В. В. Голицына⁴⁾). Можетъ быть, знакомство по коммиссіи 1675 г. съ думнымъ дьякомъ Ларіономъ Ивановымъ, который при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ стоялъ во главѣ Посольскаго приказа, а также знакомство по Владимірскому судному приказу съ кн. В. В. Голицынымъ, въ концѣ 1670-хъ годовъ, однимъ изъ виднѣйшихъ московскихъ воеводъ, содѣйствовало дальнѣйшимъ служебнымъ успѣхамъ Зотова. Въ августѣ 1680 г. онъ получаетъ серьезное и отвѣтственное назначеніе изъ Посольскаго приказа по дипломатической части; онъ назначенъ былъ ѣхать въ Крымъ въ товарищахъ съ посланникомъ стольникомъ и полковникомъ В. М.

¹⁾ См. „Краткое описаніе“ Крекшина въ Запискахъ русскихъ людей, изд. Сахаровымъ.

²⁾ М. архивъ мин. юстиціи. Разрядныя книги Московскаго стола, №№ 63 и 64. Правильно называлъ Зотова подъячимъ Челобитнаго приказа Голицовъ; но неизвѣстно, почему Устряловъ считалъ его подъячимъ приказа Большаго прихода. Это неправильное названіе повторилъ вслѣдъ за Устряловымъ и Ключевскій въ своемъ курсѣ, IV, 3.

³⁾ Дворц. Разр. III, 1185 Ср. *ibid.* 109—99, 1129—1130, 1255.

⁴⁾ Д. А. И. IX, 105—106, въ судныхъ: въ Володимерскомъ бояринъ кн. В. В. Голицынъ, а съ нимъ стольникъ Петръ Петровъ сынъ Пушкинъ, дьяки Ѳедоръ Злобинъ (велѣно быть во дворцѣ), Микита Зотовъ, Иванъ Ляпуновъ (на службѣ, а нынѣ велѣно быть Сидору Поплавскому)*. Подлинникъ этого акта см. М. арх. мин. юст. Записная книга московскаго стола № 19. Въ подлинникѣ отмѣтка «велѣно быть во дворцѣ» относится только къ имени Ѳедора Злобина, она поставлена только надъ этимъ именемъ, равно какъ отмѣтка: „на службѣ, а нынѣ велѣно быть Сидору Поплавскому“ относится только къ имени Ивана Ляпунова. У имени же Никиты Зотова никакихъ отмѣтокъ въ подлинникѣ нѣтъ.

Тяпкинымъ, отправлявшимся туда для заключенія перемирія ¹⁾).

Если бы Зотовъ въ это время, въ 1680 году, былъ уже учителемъ царевича Петра, то спрашивается, зачѣмъ понадобилось бы отрывать его отъ занятій съ царевичемъ и назначать въ посольство въ Крымъ? Дѣло объ этомъ посольствѣ сохранилось, и дьякъ Зотовъ ни въ одномъ изъ документовъ этого дѣла не называется учителемъ царевича, а это несомнѣнно имѣло бы мѣсто, если бы онъ дѣйствительно въ то время былъ учителемъ. Въ Крыму Зотовъ пробылъ зиму 1680—1681 г., участвовалъ въ заключеніи Бахчисарайскаго перемирія и вернулся въ Москву въ іюнь 1681 г. Такъ какъ въ Крыму было тогда моровое повѣтріе, то Тяпкинъ и Зотовъ по пріѣздѣ въ Москву подвергнуты были карантину. 22 іюня 1681 г. къ нимъ на дворъ былъ посланъ подъячій Посольскаго приказа Силицъ, съ предписаніемъ стольнику Тяпкину съ двора, гдѣ онъ стоитъ, никуда ни съѣзжать, а дьяку Зотову—отдать статейный списокъ посольства и всѣ дѣла и казну Тяпкину, а самому ѣхать въ деревню, въ Москвѣ не жить, ни съ кѣмъ не видѣться, въ городѣ никуда не разѣзжать, платья и никакихъ товаровъ никому не давать. Зотовъ былъ очень обиженъ распоряженіемъ о выѣздѣ въ деревню и приписывалъ это распоряженіе злобѣ на него управляющаго Посольскимъ приказомъ думнаго дьяка Ларіона Иванова, съ которымъ у Зотова была уже тогда ссора и на котораго онъ подавалъ челобитье государю. Между Зотовымъ и подъячимъ Силицымъ произошелъ такой разговоръ: „А дьякъ Микита Зотовъ подъячему говорилъ и спрашивалъ, присланъ ли де къ нему съ нимъ, подъячимъ, о томъ государевъ указъ изъ Посольскаго приказу на письмѣ, что ему ѣхать въ деревню. И дьяку Микитѣ Зотову подъячей говорилъ, что де письменнаго государева указу къ нему не прислано, а наказано говорить о томъ ему словесно. И дьякъ Микита Зотовъ говорилъ: опасеніе де онъ имѣетъ въ томъ, что къ нему письменнаго его государева указу не прислано, что ему съ Москвы въ деревню ѣхать. Такъ де онъ съ Москвы поѣдетъ въ деревню, чтобъ ему того въ побѣгъ не поставили, потому что челобитье де у него было великому государю на думнаго дьяка на Ларіона Ивановича. А онъ де его съ Москвы посылаетъ въ деревню; хотя де онъ съ Москвы въ деревню и поѣдетъ, только де добрые люди у него на Москвѣ останутся и провѣдаютъ по указу

¹⁾ Д. А. И. IX стр. 155--156.

де великаго государя его, Микиту, думный дьякъ Ларіонъ Ивановичъ въ деревню посылаетъ, всѣмъ де людямъ свѣтъ, а ему тьма“. Зотовъ указывалъ далѣе, что Ларіонъ Ивановъ не боится заразы, пуская къ себѣ на домъ переводчиковъ и представляя ихъ переводы государю, а его Зотова считаетъ нужнымъ держать въ заперти и даже высылать въ деревню. „И переводчиковъ Ларіонъ Ивановичъ въ дома свои отпускаетъ и къ нему въ домъ ходятъ, и письма они къ нему всякія приносятъ и переводы переводятъ и тѣ ихъ письма онъ, думный дьякъ Ларіонъ Ивановичъ, доноситъ до великаго государя, а онъ де, Микита, сидитъ взаперти, въ пустомъ дворѣ, а нынѣ де ево жъ и въ деревню посылаетъ. А послѣ того онъ, дьякъ Микита Зотовъ, говорилъ: дѣла де у него которыя есть, отдастъ онъ стольнику Василию Тяпкину, а самъ ѣхать сбиратца будетъ и поѣдетъ съ Москвы въ Коломенскую свою деревню“¹⁾. По переписной книгѣ 1678 года за дьякомъ Никитой Моисеевымъ Зотовымъ дѣйствительно значилось въ Коломенскомъ уѣздѣ въ стану Большомъ Микулинѣ помѣстье въ сельцѣ Онащевѣ, а въ немъ 1 дворъ крестьянскій, дворъ задворныхъ людей и дворъ бобыльскій²⁾).

Если бы Зотовъ былъ до поѣздки въ Крымъ учителемъ Петра, едва-ли егѣ стали бы такъ безцеремонно выпроваживать изъ Москвы, такъ какъ онъ могъ бы прибѣгнуть къ заступничеству царицы или людей близкихъ къ ученику. Вѣроятно, и въ своихъ жалобахъ передъ подъячимъ Силичинымъ онъ сослался бы на свое прежнее положеніе учителя. И такъ, посылка Зотова въ посольство въ Крымъ въ августѣ 1680 г. и обращеніе съ нимъ по пріѣздѣ въ Москву лѣтомъ 1681 г. показываютъ, что до поѣздки онъ не былъ учителемъ царевича. Къ тому же ни въ одномъ официальномъ документѣ онъ до поѣздки и по возвращеніи изъ посольства не именуется „учителемъ“ Петра. Только съ 1683 г. въ хозяйственныхъ дворцовыхъ записяхъ мы встрѣчаемъ его имя съ званіемъ учителя. Съ той поры преподаваніе имъ Петру несомнѣнно³⁾. Съ 1683 г. въ тѣхъ же записяхъ упоминается и другой, младшій, судя по размѣрамъ выдаваемыхъ ему сравнительно въ Зотовымъ наградъ, Афанасій Нестеровъ. Что Петръ учился въ 1680 г., это безспорно. Но кто вель съ нимъ тогда занятія, предстоитъ еще изслѣдовать.

М. Богословскій.

¹⁾ М. архивъ мин. иностр. дѣлъ, дѣла Крымскія, 1681 № 7.

²⁾ М. архивъ мин. юстиціи, писцовыя книги 9275. л. III об.

³⁾ Есиповъ, Сборникъ. I.